

Трансформация «модели Жемчужной реки»: структурный процесс государственной пространциализации в районе Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао

ZHAN Wei, YUAN Qifeng, LU Junwen

Аннотация: Трансформация развития района Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао глубоко отражает интерактивную логику эволюции региональных моделей и реконфигурации государственного пространства. Опираясь на теоретическую рамку государственной пространциализации, статья рассматривает структурный процесс региональной модели и показывает, что на раннем этапе «модель Жемчужной реки», используя преимущества географического положения, социальных связей и институциональной среды, встраивалась в глобальную производственную систему через технологическую схему «введение - освоение»; децентрализованная конкуренция эффективно стимулировала региональную жизнеспособность, а экспериментальное государственное пространство, воплощенное в специальных экономических зонах и зонах развития, обладало выраженными чертами. По мере усиления негативных эффектов экономики административных юрисдикций после 2008 г. начался переход к ориентированной на региональную координацию «модели залива»: форма государственного пространства сместилась от децентрализованного эксперимента к стратегической интеграции, а район Большого залива в процессе масштабной реорганизации осуществил «ретерриториализацию» и продвигается к полицентрической структуре мегаполисного региона. В будущем региональное планирование и управление должны сформировать инновационные инструменты пространственной политики, координирующие институциональные инновации и механизмы территориальной реорганизации, чтобы обеспечить эффективное распределение региональных факторов производства и способствовать согласованному развитию и оптимизации пространственной структуры региона.

Ключевые слова: модель Жемчужной реки; модель залива; государственная пространциализация; структурирование

Классификационный номер Китайской библиотечной классификации: TU984; код документа: А

DOI: 10.16361/j.urp.202501007; номер статьи: 1000-3363(2025)01-0046-09

Сведения об авторах: ZHAN Wei, докторант, Школа архитектуры, Южно-Китайский технологический университет. E-mail: zhanwei@hnlgdh.wecom.work; YUAN Qifeng, профессор и научный руководитель докторантов, Государственная ключевая лаборатория субтропической архитектуры и урбанистической науки, Южно-Китайский технологический университет; LU Junwen, постдокторант, Школа архитектуры, Южно-Китайский технологический университет; автор для корреспонденции. E-mail: lujunwen@scut.edu.cn.

Финансирование: крупный проект Национального фонда социальных наук Китая «Исследование социальной морфологии пригородных сообществ с китайской спецификой» (№ 21&ZD175); проект Национального фонда естественных наук Китая «Оптимизация технологий территориально-пространственного планирования смешанных городско-сельских районов Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао» (№ 52478052); проект Фонда естественных наук провинции Гуандун «Механизм пространственного выбора места проживания и работы в

Трансформация «модели Жемчужной реки»: структурный процесс государственной пространциализации в районе Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао районах городской интеграции и моделирование политики слияния границ» (№ 2024A1515012300).

«Модель» представляет собой закономерность, присутствующую в человеческом восприятии развития мира, проектном мышлении и абстрактном мышлении; выявление устойчивых моделей является одной из базовых когнитивных функций человека^[1]. На макроуровне модели мира множественны и сложны, а их совокупность формирует структуру и порядок мира. Как указывал Энгельс^[2] в критике «схематизма мира» в «Анти-Дюринге», мир един в своей материальности, а не в одном лишь бытии; материальная среда, социальная организация и экономические процессы имеют разнообразные формы, и абстрактное обобщение совокупности их конкретных материальных форм позволяет глубже понять общие свойства. На микроуровне модель экономического или социального развития представляет собой комплексное описание экономики, общества и культуры в определенном пространственно-временном контексте. Выделение, обобщение, дальнейшее развитие и преобразование таких моделей способны эффективно стимулировать прорыв и развитие страны или региона в организационных формах, а также в экономической и социальной устойчивости^[3].

«Модель Жемчужной реки» обобщает значительные достижения дельты Жемчужной реки после политики реформ и открытости в перестройке экономико-промышленной системы и социально-институциональной организации^[4]. Как важная модель положительной обратной связи во взаимодействии «глобального - локального», низовые сообщества с морским духом соединились с миром, что способствовало переходу от «заимствования корабля для выхода в море» к «строительству корабля для выхода в море» и экономике «оба конца вовне»^①; открытие рынка привнесло практики «три поставки и одна компенсация» и «магазин впереди, фабрика сзади»^②; экспериментальная настройка институциональных организаций разных уровней породила «специальные экономические зоны» и «децентрализационную реформу»^③. Конкуренция и взаимодействие этих многочисленных акторов совместно породили всеобщее процветание дельты Жемчужной реки и сформировали раннюю «модель Жемчужной реки».

В общественном и академическом дискурсе «модель Жемчужной реки» часто рассматривается вместе с «моделью Южного Цзянсу» и «моделью Вэньчжоу»^[5-9]. Эти модели укоренены в существовавших в соответствующих регионах социальных, экономических и институциональных условиях, поэтому их содержание одновременно типично и весьма специфично^[9]. Следует отметить, что успех «модели Южного Цзянсу» опирался на поселково-волостные предприятия, возглавляемые правительствами малых городов в период перехода от плановой экономики; в сравнении с ней отличительной чертой «модели Жемчужной реки» стала сельская общинная индустриализация «снизу вверх» с деревней в качестве базовой единицы^[10].

Развитие «модели Жемчужной реки» было обусловлено стремлением сельских районов дельты извлечь выгоды из огромных экономических разрывов. В условиях политики опережающих экспериментов перевод сельскохозяйственных земель и их прямое соединение с глобальным капиталом создали значительное накопление капитала; синергия институтов и политики «снизу вверх» в конечном счете породила картину всеобщего процветания, описываемую как «в каждой деревне горит огонь, из каждого двора идет дым»^[11]. Динамическая эволюция этого процесса отражала сложные отношения взаимодействия «глобальное - государство - локальное», которые стимулировали структурные изменения и реорганизацию дельты Жемчужной реки в различных масштабах.

После 2008 г. начался переход от «модели Жемчужной реки», акцентировавшей региональную конкуренцию, к «модели залива», ориентированной на региональную

Трансформация «модели Жемчужной реки»: структурный процесс государственной пространциализации в районе Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао координацию и интеграцию. Внутри дельты Жемчужной реки постоянная игра власти, капитала и пространственной организации формировала процесс «государственной пространциализации»: он стал переходить от эксперимента с передачей полномочий к стратегической интеграции. Как стратегическая единица государственного пространства район Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао начал трансформироваться в мегаполисную форму и осуществлять ретерриториализацию в ходе реконструкции старого и нового социального капитала^[12-16]. Сегодня дельта Жемчужной реки постепенно переходит от рассеянной конкуренции к более скоординированной и единой целостности; в идентичности Большого залива она стала важной социально-экономической единицей, привлекающей внимание мира, и движется к новой модели развития^[14].

Однако как на территориальной основе анализировать переход от дельты Жемчужной реки к району Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао? Как в изменении «модели» выявить содержание трансформации регионального развития? И каким образом в процессе региональной трансформации проявляются структурное взаимодействие и процессуальные изменения? Эти вопросы требуют дальнейшего исследования и обсуждения.

1 «Государственная пространциализация» и «структурный процесс»

Анализируя капиталистическую экспансию и трансформацию ее политико-экономических функций, Анри Лефевр^[17] ввел понятие «государственный способ производства» (state mode of production), подчеркнув важную роль государственных институтов в производстве и преобразовании пространственного ландшафта современного капиталистического общества, а также множественность противоречий в этом процессе. Сильное вмешательство государственной власти обычно приводит к тому, что пространство производства приобретает черты гомогенизации, фрагментации и иерархизации; государство пытается найти точку равновесия между глобальными и локальными потоками капитала, политической властью и местной организацией^[18].

Дискуссия о «новом государственном пространстве» в основном сосредоточена в географии и политической науке и прежде всего обращена к «масштабным отношениям» и «теории государства», исследуя такие процессы реорганизации, как движение капитала, институциональные изменения, социальные организации и корректировка инфраструктуры. Однако при применении этой рамки к конкретным случаям китайского контекста существующие исследования нередко сталкиваются с проблемой чрезмерного обобщения явлений и несоответствия базовым механизмам китайского развития^[13]. По сравнению с понятием «государственная пространциализация» теоретическая система «нового государственного пространства» более разнообразна и широка и включает сложные объекты и понятия исследования^[19]. Многие ученые, деконструируя рамку и содержание new state space, пытаются с позиции многоуровневых акторов власти и капитала рассмотреть процесс воспроизводства регионов или территорий^[20-23].

Если «пространциализация» описывает процесс взаимодействия отношений и изменения производственных структур, включая динамическую трансформацию производства и воспроизводства масштабов во внутренних и внешних взаимодействиях^[24], то «государственная пространциализация» дополнительно фокусируется на интерактивной рамке между глобальной экспансией, государственным вмешательством и местным ответом, раскрывая новые способы производства, структурные порядки и системные равновесия, формирующиеся в территориальном пространстве. В этом процессе такие важные региональные активы, как

Трансформация «модели Жемчужной реки»: структурный процесс государственной пространциализации в районе Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао

капитал, институты, знания и рабочая сила, постоянно циркулируют между локальным и транснациональным уровнями; вмешательство государственной силы в отношения потоков факторов на разных уровнях делает структуру власти между государством, регионами и предприятиями все более сложной и разнообразной.

Исходя из социологических теорий Маркса, Дюркгейма и Вебера^[25], «структурный процесс» (structuring) рассматривается как способ мышления или исследовательский метод для понимания изменений времени, пространства и социальной организации. «Структурный процесс» социальной организации выражает сеть отношений между порядком формирования организации и человеческой агентностью в социальной эволюции^[26-27]. Перенос этого содержания и подхода в исследование региональной пространственной эволюции позволяет изучать пространственный порядок и значение изменений, возникающих в процессе структурирования региона. Исторические процессы и изменения не только формируют эволюцию регионального пространства, но и глубже влияют на отношения региональной трансформации. Поворотные события территории и агентность организаций совместно сплетают сеть отношений региональной пространственной структуры. «Структурный процесс» региона раскрывает динамическую перспективу эволюции и порождает местные модели развития, а сама модель выражает единство многообразия в содержании регионального развития.

В данном исследовании методология «структурного процесса»^④ вводится в перспективу государственной пространциализации, сосредоточенную на изменении способов производства и структурного порядка, чтобы глубже увидеть, как государственная способность движет изменения территориальных границ в процессе региональной эволюции. Это также помогает понять трансформации, в ходе которых стратегические действия государства и реализация проектов производят новые «государственные пространства» и позволяют распознавать соответствующие модели. В качестве эмпирического случая авторы берут дельту Жемчужной реки, фокусируясь на трансформации «модели Жемчужной реки» после реформ и открытости, сопоставляют ее содержание и характеристики с переходом к «модели залива» района Большого залива и рассматривают путь реконструкции государственной пространциализации в условиях непрерывных изменений. Предлагая типичный эмпирический ракурс и опыт конкретного случая, статья дает критическое обсуждение и материал для углубления исследований регионального управления и моделей. См. рис. 1.

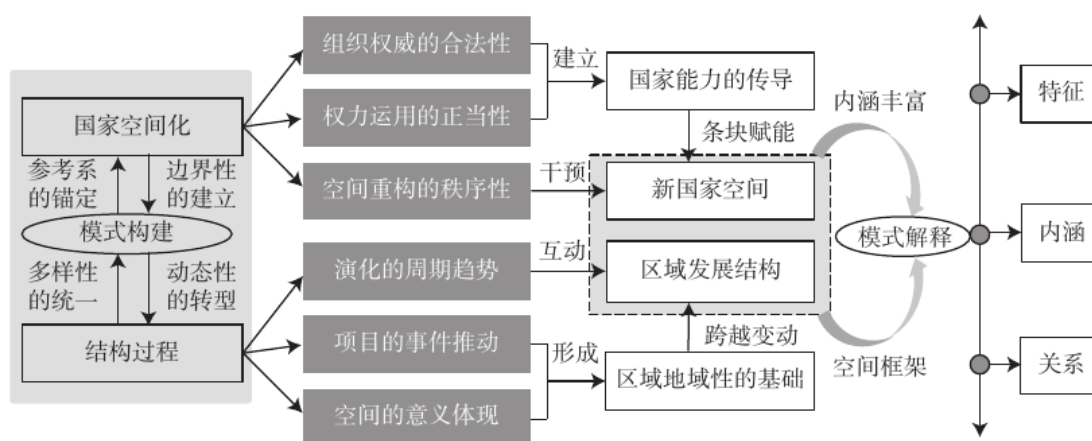

Рис. 1. Интерактивная рамка формирования государственной пространциализации и структурного процесса в модели

2 «Модель залива» преодолевает «модель Жемчужной реки» и движется к инновационному заливу

Регион как географическая метафора, материализующая и натурализующая определенное социальное пространство и аналитический масштаб, одновременно производит конкретную географическую единицу и формирует многообразные когнитивные и типологические смыслы^[28].

Дельта Жемчужной реки как единица регионального исследования обладает географической, экономической и социальной уникальностью. Расположенная к югу от гор Наньлин и рядом с Южно-Китайским морем, она является не только ключевым узлом сопряжения суши и моря, но и воротами обмена морскими и наземными ресурсами, что создает важные условия для роли Большого залива как опорного пункта двойной циркуляции. Горы Наньлин одновременно выступают границей, отделяющей внутреннее и внешнее, и коридором, связывающим бассейны Янцзы и Жемчужной реки; как граница они сформировали регион наложения пространственных потоков многих типов и уровней и особые социально-культурные черты Наньлина^[29]. Трансграничные потоки людей, материалов, технологий и культур между внутренним и внешним пространством дельты создают базовую движущую силу ее жизнеспособности, а интерактивная игра государства, общества и экономических акторов в процессе ее эволюции составляет важную характеристику этой исследовательской единицы.

2.1 Тенденция изменений: от «рассеянной конкуренции» к «стратегической интеграции»

Трансформация в район Большого залива - это не только оптимизация и повышение уровня экономической структуры; она также включает построение территориальной культуры власти и сетей движения капитала в интерактивной рамке «глобальное - государство - локальное», то есть сдвиг цели государственной пространциализации от ранней «децентрализованной конкуренции» к «стратегической интеграции».

Реформы и открытость прежде всего превратили прибрежные районы в передовую площадку экспериментов с рыночной открытостью и институциональной реформой. На раннем этапе дельта Жемчужной реки придерживалась стратегии «пустить воду, чтобы вырастить рыбу», постоянно привлекала внешний капитал благодаря преимуществам стоимости труда и земли и осваивала институты и технологии по модели «введение - освоение - усвоение»^[30]. Динамика экономического роста дельты и притока иностранных инвестиций после начала реформ позволяет увидеть бурное развитие и постепенную трансформацию «модели Жемчужной реки». Если взять мировые финансовые кризисы 1998 и 2008 гг. в качестве рубежей, то на этапе «сельской общинной индустриализации снизу вверх» практика «три поставки и одна компенсация» мощно стимулировала концентрацию капитала, технологий и талантов в дельте, а трудоемкие отрасли заложили прочную основу регионального развития. Доля предприятий с иностранным капиталом в валовом продукте долгое время оставалась высокой и в 1992 г. достигала 42,75%. Затем темпы роста иностранного капитала начали заметно отставать от быстрого развития региональной экономики в целом, и дельта перешла от модели «оба конца вовне» к более сбалансированной модели «внешнее привлечение и внутреннее соединение», став рычажной опорой, связывающей международный и внутренний рынки, и ключевым узлом глобальной производственной системы [рис. 2(a)]. По мере расширения национальной политики открытости и общего процветания региональной экономики Гонконг постепенно перестал быть единственным и наиболее важным географическим окном Китая к глобальным отраслям, превратившись в одно из таких окон; его экономическое положение также относительно снизилось [рис. 2(b)].

Трансформация «модели Жемчужной реки»: структурный процесс государственной пространциализации в районе Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао

По мере «научно-технологической и инновационной» трансформации зон экономико-технологического развития и зон высоких технологий, ориентации налоговых льгот на высокотехнологичные предприятия и успеха таких крупных компаний, как Huawei, Midea и Gree, сформировались и сконцентрировались кластеры промышленной инновации. Промышленность дельты Жемчужной реки перешла от «введения - освоения - усвоения» к «самостоятельной инновации» и, опираясь на постоянные прорывы в технологиях и производительности, стала важным узловым регионом глобальной производственной системы. Модель развития дельты постепенно сместилась от прежней локализованной и рассеянно конкурентной «цветущей повсюду» структуры к систематизированной региональной производственной системе, ведущейся инновациями и пространственно реструктурированной [рис. 2(с)].

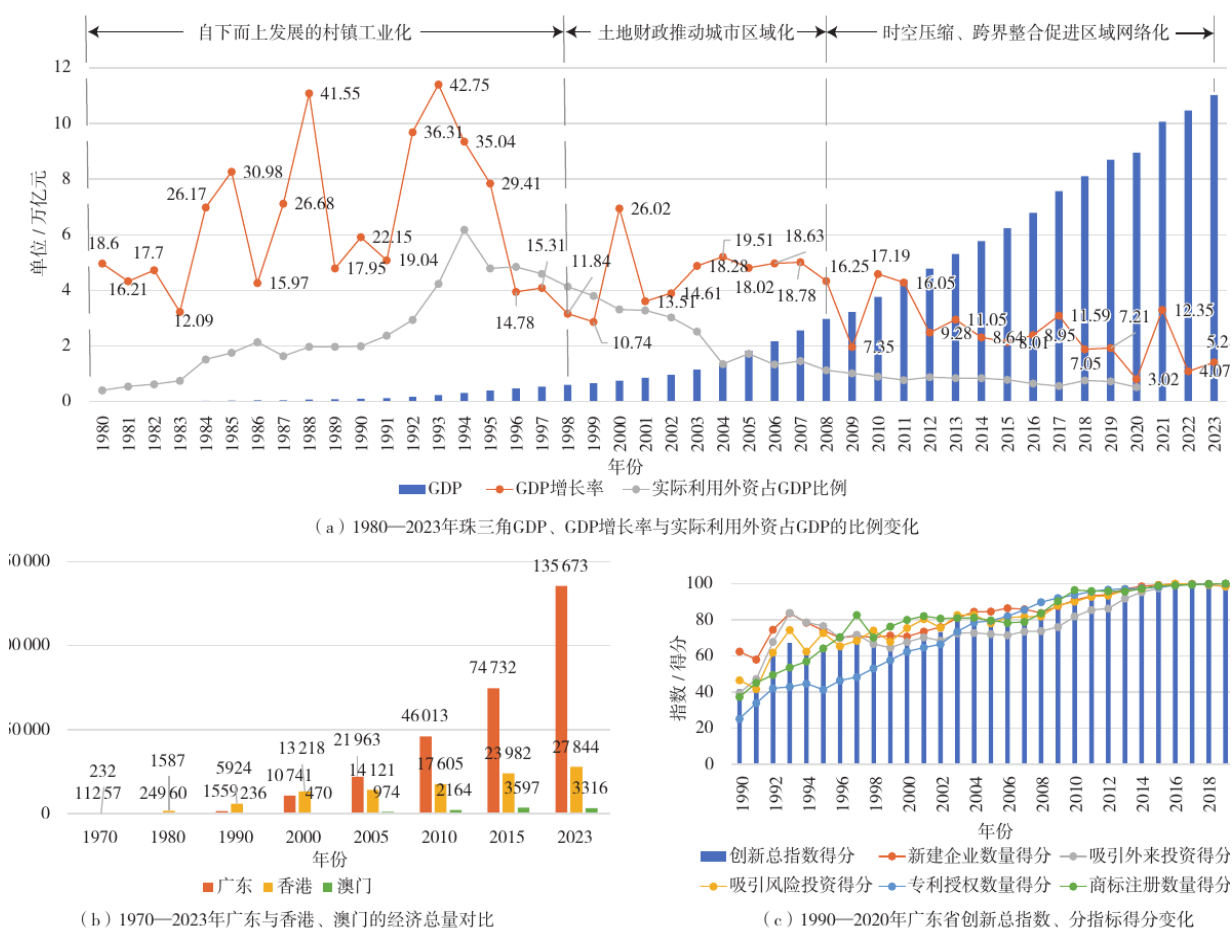

Рис. 2. Изменения и сопоставление экономики, инвестиций и инноваций в дельте Жемчужной реки (провинция Гуандун)^⑤

2.2 Модель Жемчужной реки: глобальный капитал напрямую соединяется с городами и сельскими сообществами, а дельта формирует локальный экономический «гул»

«Модель Жемчужной реки» сформировалась во взаимодействии внутреннего и внешнего: глобальный капитал напрямую соединился с сельской общинной индустриализацией, а местные частные предприятия, индивидуальные акторы и местные правительства активно включились в мировой рынок. Под влиянием географических, социальных и институциональных условий возникли экономики разного масштаба; местные масштабные экономики, основанные на взаимодополняющих комбинациях территориальных условий, образовали своеобразную модель экономического развития. Ее характерные черты - «внешнее привлечение и внутреннее

Трансформация «модели Жемчужной реки»: структурный процесс государственной пространциализации в районе Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао

соединение», базовая схема - «магазин впереди, фабрика сзади», а ранние зоны накопления капитала формировались преимущественно через практику «три поставки и одна компенсация»^[31-32].

В раннем взаимодействии внутреннего и внешнего дельта Жемчужной реки через такие окна, как Гонконг и Тайвань, вошла в глобальную производственную систему и соединилась с «глобальными каналами», ускорив перенос глобального промышленного капитала в регион. В зонах развития центральных городов и сельских сообществах возник феномен «локального гула» с заметным экономическим мультипликативным эффектом. Концепция «глобальные каналы - локальный гул» (global pipelines - local buzz) объясняет механизм взаимодействия знаний и инноваций транснациональных предприятий на глобальном уровне: запаздывающие экономические субъекты или регионы могут через «глобальные каналы» получать переделы знаний, технологий и капитала. После накопления определенной экономической силы и инновационной способности локальные субъекты способны преодолеть территориальные ограничения, перейти от пассивного восприятия к активной отдаче и тем самым установить более многообразные сетевые связи на уровне «глобальное - локальное»^[33-34].

Наблюдение за географическими данными зарегистрированных предприятий дельты в два этапа 1980-2000 гг.^⑥ показывает, что Гуанчжоу и Шэньчжэнь - два важнейших узловых города дельты - стали ядрами «локального гула». Дунгуань, Чжуншань, Наньхай и Шуньдэ, известные как «четыре малых тигра Гуандуна»^⑦, опираясь на высокоспециализированные и территориально своеобразные экономические системы деревень и поселков, выстроили собственные модели сельской общинной индустриализации и вместе стали важными узлами сети «локального гула». Эти узлы отличались плоской конкуренцией и прямым привлечением иностранного капитала.

На этом этапе «государственное пространство» находилось в состоянии выборочного эксперимента открытости вовне. Благодаря географическим условиям и захвату значительных выгод из различий в развитии местности получили стимулы децентрализации и начали непрерывно реформировать институты ради экономического роста и улучшения условий жизни. Центральное правительство, проводя политику открытости и рыночной трансформации экономики, сформировало достоверные стимулирующие обязательства и передало полномочия местным правительствам. Выбор Чжухая и Шэньчжэня в качестве специальных экономических зон на основе анализа «социальных издержек и выгод» также был важным экспериментом государственной экономической политики^[35-36].

Помимо политических и экономических стимулов, которые местные правительства получили на основе децентрализационной реформы^[37], главным было то, что местные частные субъекты увидели огромные возможности извлечения выгод из разрыва с развитыми экономиками. Поэтому в регион было введено большое число предприятий «три поставки и одна компенсация», а с использованием капитала Гонконга, Макао и других зарубежных источников создавались предприятия с иностранными инвестициями. Поселково-волостные предприятия, привлекая иностранный капитал, одновременно усваивали передовой зарубежный управленческий опыт и модели деятельности, а через непрерывный процесс «освоения - усвоения» обеспечивали эффективное накопление и обновление промышленного капитала. Сотрудничество в формате «три поставки и одна компенсация» и «магазин впереди, фабрика сзади» позволило городам и поселкам дельты через эти окна соединиться с «глобальными каналами» и начать формировать масштабные и разнообразные промышленные агломерации. См. рис. 3.

2.3 Трансформация и метаморфоза: административные корректировки крупных городов стимулируют реконфигурацию модели Жемчужной реки и открывают региональную ретерриториализацию

Термин «территория» происходит из биологии, где он обозначает пространство и границы, определяемые борьбой за ресурсы и сферой активности. В географии и управленческих исследованиях он используется для анализа взаимодействия организации, власти и ресурсов в пространстве^[38]. «Территориализация» позволяет описать огромные пространственные и масштабные изменения, происходящие в трансформации регионального производства, а «ретерриториализация» представляет собой смену масштаба (jumping scales) или ремасштабирование (re-scaling)^[39]. Как отмечал Дэвид Харви^[40], «способность преобразовывать пространство зависит от производства пространства». В новом цикле производства и реконструкции пространственного капитала, вызванном экспансией глобального капитала, старые и новые социальные и капитальные пространственные структуры постоянно создаются, разрушаются и перестраиваются; ретерриториализация происходит в борьбе внутри и вне территории^[40-41]. См. рис. 4.

В начале реформ и открытости Китай проводил политику «контролировать масштабы крупных городов, рационально развивать средние города и активно развивать малые города». Многие предприятия с иностранным капиталом в перерабатывающей торговле, а также поселково-волостные предприятия формата «три поставки и одна компенсация» размещались в районах индустриализации деревень и поселков дельты. Они способствовали бурному развитию местной экономики, но вместе с тем породили множество проблем. Например, правительства разных уровней в регионе, стремясь к быстрому экономическому росту, следовали логике «децентрализация стимулирует конкуренцию, конкуренция ведет к росту»; города и уезды, конкурируя за ресурсы развития, постепенно сформировали местный протекционизм и усилили «экономику административных юрисдикций», что препятствовало движению рыночных факторов. По мере накопления производственного капитала в прежних районах деревенско-поселковой индустриализации рыночная конкуренция усиливалась, тенденция к инволюции становилась очевидной, а новые условия и пространства роста формировались с трудом.

После 2000 г. вступление Китая в ВТО ускорило перенос глобального капитала и технологий, опиравшийся на достижения «модели Жемчужной реки». Одновременно государство ослабило ограничения на развитие крупных городов, а корректировки административного деления стимулировали преобразование границ существующих территорий и открыли процесс «ретерриториализации». Центральные города стали искать разделение труда в более широких ареалах, в ходе ретерриториализации осуществляя сопряжение «глобальных - локальных» отраслей и тем самым продвигая переход между внутренней и внешней циркуляцией.

Для ответа на азиатский финансовый кризис 1997 г. государство начало реформу коммерциализации жилья. Местные правительства использовали земельные доходы для подпитки промышленного финансирования и оптимизировали распределение ресурсов вокруг земельного фактора, расширяя местную налоговую базу и стимулируя быстрое развитие центральных городов с концентрацией населения. Развитие «государственного пространства» дельты Жемчужной реки стало двигаться к форме «город - регион», продвигая городско-сельскую интеграцию и региональную координацию.

В 2004 г. комитет КПК провинции Гуандун и правительство провинции совместно с Министерством строительства организовали разработку «Плана согласованного развития

Трансформация «модели Жемчужной реки»: структурный процесс государственной пространциализации в районе Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао

городского кластера дельты Жемчужной реки (2004-2020)», предложив превратить дельту в «городской кластер мирового уровня». План подчеркивал координированное строительство центральных городов и окружающих хинтерландов и на основе «сетевой пространственной структуры» предложил сформировать «хребет», усиливающий ключевую конкурентоспособность дельты. Дельта стала опираться на ядровые города как ведущие, обеспечивать инфраструктурную взаимосвязанность с региональными хинтерландами и строить метрополитенизированную систему через сжатие пространства-времени и взаимосвязь факторов. Анализ географических данных зарегистрированных предприятий дельты 2001-2010 гг.^⑥ и данных инновационных пространственных единиц^⑧ показывает, что Гуанчжоу и Шэньчжэнь как два региональных центральных города постоянно расширяли свои хинтерланды через инфраструктурные связи и продвигались к метрополитенизированной системе «концентрация - рассеивание» с ядром в центральных городах. «Модель Жемчужной реки» перешла от структуры рассеянной конкуренции к метрополитенской структуре конкуренции и сотрудничества с центральными городами в качестве ядра, заложив основу для согласованного и интегрированного развития региона. См. рис. 3.

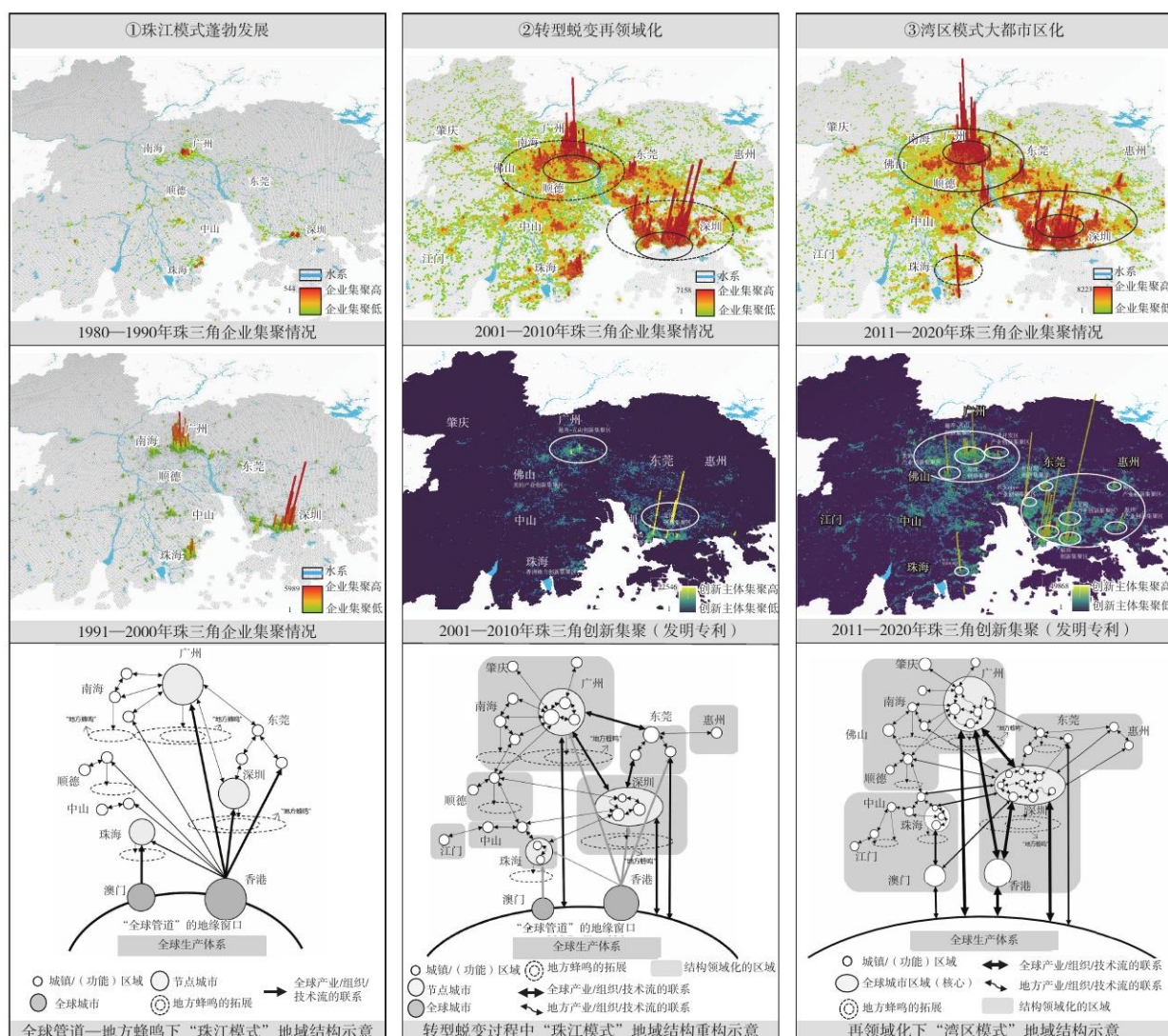

Рис. 3. Измерение и структурный процесс перехода от «модели Жемчужной реки» к «модели залива»

2.4 Модель залива: центральные города направляют постепенное формирование метрополитенской структуры, а инновационная экономика продвигает район Большого залива

Трансформация «модели Жемчужной реки»: структурный процесс государственной пространциализации в районе Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао

Государственная пространциализация района Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао прошла через региональную масштабную реструктуризацию и трансформацию промышленной инновации. Интеграция Гонконга и Макао с дельтой Жемчужной реки, инвестиции в крупную трансморскую инфраструктуру и политика «гонконгские автомобили едут на север» способствовали формированию единого крупного рынка. Как новая стадия эволюции «модели Жемчужной реки», «модель залива» показывает, что после этапа «введение - освоение - усвоение» промышленных технологий дельта на прежней основе сформировала ориентированную на инновации модель координированного регионального развития. Если на предыдущем этапе цель построения государственного пространства была накопительным процессом «эксперимент - соединение», то нынешняя цель «модели залива» должна трансформироваться в согласованный процесс «координация - инновация».

В условиях двусторонней положительной обратной связи между государством и рынком дельта Жемчужной реки начала переходить от «мировой фабрики» к «инновационному заливу»^[42-44]: инновация становится ключевой движущей силой, крупные, средние и малые предприятия встраиваются в глобальные производственные сети, государственная способность и местное общество совместно формируют единый крупный региональный рынок, а территории разных масштабов и уровней соединяются в региональную сеть, достигая интегрированного развития мегарегиона и выстраивая экономическую модель на основе «новых качественных производительных сил». Ее характеристики развития очевидны: региональные центральные города становятся узлами «двойной циркуляции»; формируется полицентрическая и кооперативная «гигантская городская область» на базе метрополитенских районов; промышленная трансформация выступает инновационной опорой.

Анализ географических данных зарегистрированных предприятий дельты 2011-2020 гг.^⑥ и данных инновационных пространственных единиц^⑧ показывает, что под влиянием модели «глобальные каналы - локальный гул» промышленная концентрация в метрополитенских районах Гуанчжоу и Шэньчжэня непрерывно поляризовалась и формировала функциональные узлы промышленных агломераций разных уровней и масштабов.

По мере того как промышленные агломерации оказывают влияние через географическую, технологическую и реляционную близость, в районе Большого залива многочисленные агломерации начали формировать различные типы инновационных пространственных единиц. При инновационных целях, задаваемых правительством, и льготных стимулах зон политического эксперимента совокупный объем инноваций в этих единицах все сильнее поляризовался и образовал региональную инновационную сеть. На глобальном масштабе район Большого залива сформировал «ретерриториализованную» политическую, экономическую и культурную единицу государственного пространства; на локальном уровне первоначально рассеянные и конкурирующие районы сельской индустриализации, благодаря взаимосвязанности трансграничной инфраструктуры, совместно с региональными центральными городами выстроили иерархическую и сетевую организацию разделения труда и сформировали вокруг метрополитенских районов Гуанчжоу-Фошань и Шэньчжэнь-Гонконг важную региональную производственную систему на основе ретерриториализации. См. рис. 3.

3 Пространственная реструктуризация района Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао и характеристики поворота государственного пространства

В структурном процессе регионального развития характеристики района Большого залива эволюционировали от «рассеянно-конкурентной» индустриализации деревень и поселков к

Трансформация «модели Жемчужной реки»: структурный процесс государственной пространциализации в районе Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао «концентрированной и функционально разделенной» метрополитенской системе. По мере непрерывного строительства крупных региональных инфраструктур, таких как межгородские железные дороги, пространство-временная дистанция между центральными городами и окружающими районами сжимается, экономическое пространство Большого залива реконфигурируется, а регион становится пространственно непрерывной и всеобщо процветающей мегаэкономикой.

От «модели Жемчужной реки» к «модели залива» этот регион Большого залива пережил неоднократное ремасштабирование, что привело к изменениям целей и содержания развития.

Во-первых, в системе социалистической рыночной экономики с китайской спецификой и модели управления «вертикально-горизонтальной системы» центрального правительства центральные министерства и местные правительства являются главными акторами, формирующими от государственного до местного уровня вертикально-горизонтальные взаимодействия между функциональными ведомствами, то есть организационную логику и отношения «линий» и «блоков»^[45]. Центральное и местные правительства используют «систему административного субподряда» (оптимизированную М-структуру), в которой последовательные взаимодействия «централизация - децентрализация» порождают интеграцию и координацию^[46]. Вышестоящие правительства через вертикальное делегирование предоставляют местным правительствам полномочия формулировать и реализовывать публичную политику в пределах своих территорий^[47]. Это существенно отличается от способа распределения ресурсов капиталистическими государствами в рамках «нового государственного пространства»: пространственная ориентация китайской государственной способности предпочитает равновесие внутри целого и умело усиливает распределение ресурсов сверху вниз, тогда как капиталистическое государственное пространство подчеркивает сравнительные преимущества и главным образом опирается на способность капитала, приводимую в движение свободной конкуренцией рыночных ресурсов.

В первые годы реформ и открытости был сформулирован ориентир «развитие - непреложная истина». Институциональная реформа и децентрализация полномочий и выгод побудили местные правительства начать играть роль правительств развития (developmental state)^[48]. Правительства развития в дельте конкурировали за рост и сформировали «модель Жемчужной реки» как «сельскую индустриализацию, цветущую повсюду» и «локальный экономический гул». В тот период цель отбора государственного пространства в дельте имела стратегический и экспериментальный характер: на основе социально-экономического анализа «издержки - выгоды» были выбраны «специальные экономические зоны» как эксперимент по расширению открытости и использованию географических, пространственных и социокультурных преимуществ прибрежных городов для продвижения рыночной реформы экономики. Специальные экономические зоны, зоны развития и другие зоны особой политики начали интегрировать государственные институты и их отношения в разных масштабах и территориях, осуществляя географическую дифференциацию государственной власти и функций. Центральное правительство через государственную способность предоставляло стимулы, усиливая динамику роста местных правительств; в свою очередь провинциальные и муниципальные правительства использовали децентрализованные и индивидуализированные стратегии для создания сравнительных преимуществ и поддержки первоначального накопления капитала и промышленных агломераций региона^[49].

Хотя «модель Жемчужной реки» смогла накопить первоначальный промышленный капитал через «три поставки и одна компенсация» и способствовала формированию в городах и

Трансформация «модели Жемчужной реки»: структурный процесс государственной пространциализации в районе Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао

поселках региона масштабных и разнообразных промышленных кластеров через «глобальные каналы - локальный гул», «соревнование вниз» между местными правительствами усилило рыночные блокировки и местный протекционизм, вызвав дисбаланс между частными местными интересами и общими региональными интересами^[50-51]. В этот момент «модель Жемчужной реки» начала постепенно трансформироваться в «модель залива», а выбор государственного пространства перешел от эксперимента местного развития к вмешательству и корректировке ради комплексной региональной координации.

Как единица с огромной экономией масштаба, городская агломерация района Большого залива стала объектом испытания стратегических государственных проектов на разных масштабах и уровнях; региональный масштаб начал непрерывно повышаться и реструктурироваться. Центральное правительство в «Программе плана развития района Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао», а правительство провинции в «Программе 14-й пятилетки» и «Плане строительства межгородских железных дорог района Большого залива (2020-2030)» осуществили стратегические решения по развитию Большого залива, еще больше укрепив региональное планирование как правительственный инструмент масштабного регионального регулирования, смягчая прежние административные границы, стимулируя масштабную реорганизацию различных территорий, усиливая потоки регионального капитала и социальных ресурсов и подталкивая региональные пространственные единицы к полицентрической, сетевой и системной структуре.

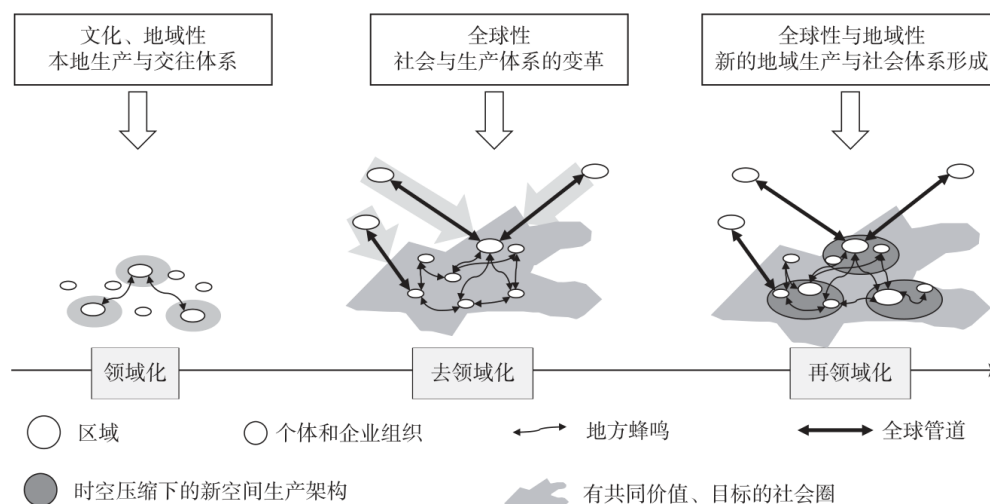

Рис. 4. Преобразование регионального масштаба в территориализации и ретерриториализации^[34]

«Модель залива» знаменует переход выбора государственного пространства от локального эксперимента к комплексной региональной координации. Режим регионального управления перешел от индивидуального стремления местных правительств к выгодам и доминирования «городского предпринимательства», порожденных ранней децентрализацией, к региональному масштабу и единому рынку, усиливая развитие города-региона и постепенно эволюционируя к модели развития, основанной на координации между местными правительствами и направляемой государственным предпринимательством^[52]. Как экономическая и социальная региональная стратегическая единица район Большого залива через стратегические и пространственно-государственные решения разных уровней добился общего повышения регионального масштаба и внутренней многомасштабной реструктуризации, способствуя региональной интеграции. См. рис. 5.

Трансформация «модели Жемчужной реки»: структурный процесс государственной пространциализации в районе Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао

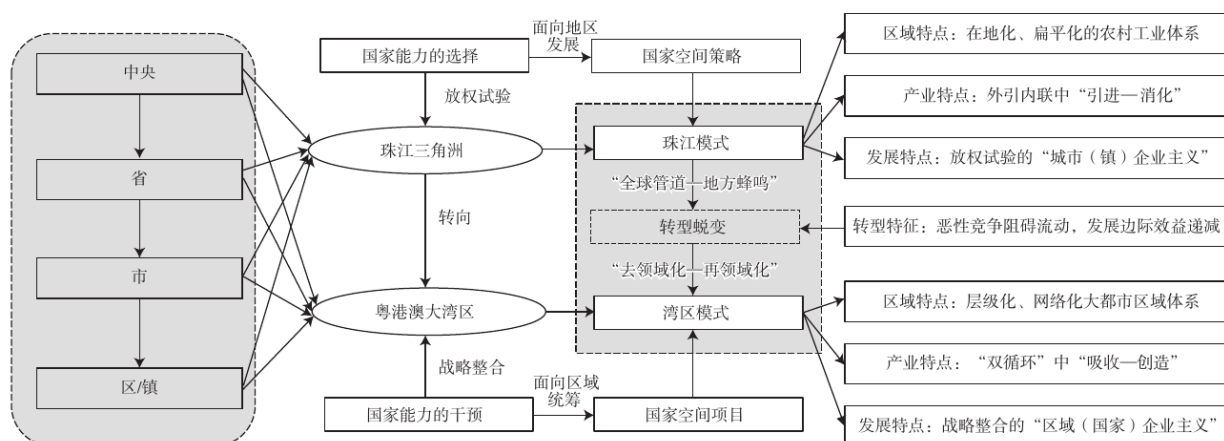

Рис. 5. Поворот государственной пространциализации от «модели Жемчужной реки» к «модели залива»

4 Обсуждение и перспективы

(1) «Модель Жемчужной реки» была полем «выборочного эксперимента» государственного пространства. Политика рыночной открытости породила специальные экономические зоны, а институциональная реформа - сельскую общинную индустриализацию деревень и поселков «снизу вверх». Опираясь на географические, культурные, организационные и институциональные преимущества, дельта Жемчужной реки сформировала различные «гулы» локальных промышленных экономик и постепенно процветала в процессе глобально-локального промышленного трансфера и взаимодействия.

(2) «Модель залива» является государственной пространциализацией «модели Жемчужной реки». Район Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао представляет собой важную национальную стратегию, выстроенную сверху вниз. Интеграция Гонконга и Макао с дельтой Жемчужной реки, инвестиции в крупную трансморскую инфраструктуру и политика «гонконгские автомобили едут на север» способствовали формированию единого крупного рынка.

(3) Переход от первоначального накопления «модели Жемчужной реки» к инновационному прорыву «модели залива» выражает трансформацию стратегических целей и содержания государственной пространциализации района Большого залива. Как единица экономической географии, на основе измерений больших данных авторы определяют, что регион уже осуществил «ретерриториализацию» и начинает переходить к новой стадии, движимой координацией «инновационной экономики» и формированием «новых качественных производительных сил». Региональная структура смещается от рассеянной узловой конкуренции к интегрированному сотрудничеству гигантского городского региона.

Следует отметить, что дельта Жемчужной реки исторически была активным регионом внешней торговли, где переплетались формальные и неформальные организации и сделки. Ее традиция открытости, коммерческая культура и обширные зарубежные социальные сети создали основу для активного продвижения реформ и открытости местными правительствами; они также показывают единство «случайности» и «необходимости» в выборе территории дельты такими стратегиями государственной пространциализации, как «эксперимент специальных зон» и «децентрализованная реформа».

Переход от дельты Жемчужной реки к району Большого залива - это процесс, в котором столкновение экспериментальных организаций смещается от поиска и инновации к устойчивой

Трансформация «модели Жемчужной реки»: структурный процесс государственной пространциализации в районе Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао адаптации. Изменение от «оба конца вовне» к нынешним «внутренней и внешней двойной циркуляции» и «единому крупному региональному рынку» отражает стратегические пространственно-государственные решения, отвечающие вызовам внутренней и внешней среды и стремящиеся повысить региональную конкурентоспособность через инновационное развитие и улучшение новых качественных производительных сил.

В региональном планировании и политических решениях необходимо всесторонне оценивать эффективность выбора проектов государственного пространства и строительных инвестиций, чтобы направлять и корректировать динамический процесс реконструкции регионального государственного пространства, содействовать согласованному развитию и оптимизировать пространственную структуру. Именно потому, что мир нелинеен, а развитие открывается в разных направлениях, изучение «моделей» имеет типологическое значение. Стратегии государственной пространциализации конкретных периодов, проектные решения и территориальные организаторы связаны бесчисленными отношениями с событиями и социальными свойствами, лежащими за пределами формальных правил. Настоящее исследование ограничивается обсуждением в макрорамке структурного процесса и пока не включает анализ агентности многочисленных акторов и неформальных устройств в значении региональной единицы; это станет направлением для дальнейшего углубления исследований.

Авторы благодарят анонимных рецензентов за важные замечания и предложения относительно понятий и аргументационного процесса данной статьи. Идеи, обсуждавшиеся в ходе рецензирования и ответов, не только обогатили текст, но и станут опорными точками для дальнейшего углубления исследования.

Примечания

- ① «Построить корабль для выхода в море» означает, что предприятия дельты Жемчужной реки перестали довольствоваться «заимствованием корабля для выхода в море» и стали самостоятельно выстраивать пути выхода на международный рынок, формируя собственные каналы, бренды и производственные сети. Выражение «оба конца вовне» обозначает производственную модель, при которой сырье и рынок сбыта находятся за пределами страны, а переработка осуществляется внутри региона.
- ② «Три поставки и одна компенсация» означает переработку с поставляемыми материалами, поставляемыми образцами, поставляемыми деталями и компенсационной торговлей; «магазин впереди, фабрика сзади» описывает разделение труда, при котором Гонконг и Макао выполняли функции окна внешней торговли, маркетинга и приема заказов, а дельта Жемчужной реки брала на себя производственную и перерабатывающую часть.
- ③ «Специальные экономические зоны» означают четыре зоны особой политики, утвержденные Центральным Комитетом КПК и Государственным советом в 1979 г.: Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сямэнь. «Децентрализационная реформа» относится к институциональному процессу передачи части прав принятия решений и выгод местным правительствам и рыночным субъектам в ходе реформ и открытости, что стимулировало местные эксперименты и экономический рост.
- ④ Принятый в статье исследовательский метод использует рамку «структура - процесс» как общий подход и определяет модель как соединение типичных признаков, внутренних смыслов и отношений. Он обращает внимание не только на стабильные структурные свойства регионального развития, но и на динамику исторических процессов, организационных действий и изменений границ.

- ⑤ Панельные статистические данные в статье были упорядочены по этапам. Данные рис. 2(а) и рис. 2(б) происходят из статистических ежегодников провинции Гуандун и соответствующих городов; данные рис. 2(с) основаны на показателях инновационных пространственных единиц и патентных данных, приведенных авторами к сопоставимым масштабам.
- ⑥ Данные предприятий в статье получены путем сбора с платформы Qichacha. Начиная с 1980 г. предприятия были систематизированы по времени регистрации, месту регистрации и отраслевым категориям; затем авторы провели пространственную привязку и агрегационный анализ для выявления этапов и узлов региональной структурной эволюции.
- ⑦ Дунгуань, Чжуншань, Наньхай и Шуньдэ были ключевыми районами раннего экономического роста дельты Жемчужной реки; благодаря высокой активности поселково-волостной экономики и частного сектора они в общественном дискурсе получили название «четыре малых тигра Гуандуна». В административном отношении Наньхай и Шуньдэ ныне являются районами города Фошань.
- ⑧ Данные инноваций происходят из Системы публикации и объявлений патентов Национального управления интеллектуальной собственности Китая. В статье использовались данные о заявках и выдачах патентов, агрегированные по пространственным единицам и временным периодам, чтобы отразить пространственную эволюцию инновационной активности в дельте Жемчужной реки и районе Большого залива.

Список литературы

- [1] LAKOFF G, JOHNSON M. Metaphors We Live By [M]. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- [2] ENGELS F. Анти-Дюринг [M]. Пекин: Народное издательство, 1972. (на кит.)
- [3] ALEXANDER C, ISHIKAWA S, SILVERSTEIN M, et al. A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction [M]. Oxford University Press, 1977.
- [4] ZUO Zheng. Общие характеристики и причины «модели дельты Жемчужной реки» [J]. Economic Theory and Business Management, 1994(12): 56-60. (на кит.)
- [5] FEI Xiaotong. Повторное размышление о модели Жемчужной реки (часть I) [J]. Outlook Weekly, 1992(27): 10-12. (на кит.)
- [6] ZHANG Min, GU Chaolin. Сельская урбанизация: сравнительное исследование моделей Южного Цзянсу и Жемчужной реки [J]. Urban Planning Forum, 2002(5): 34-39. (на кит.)
- [7] WAN Xiangdong, LIU Linping, ZHANG Yonghong. Заработная плата и льготы, защита прав и внешняя среда: сравнительное исследование моделей Южного Цзянсу, Вэньжоу и Жемчужной реки [J]. Sociological Studies, 2005(4): 82-101. (на кит.)
- [8] LIU Xiao. Сравнение моделей Южного Цзянсу, Вэньжоу и Жемчужной реки: по материалам исследования моделей регионального развития [J]. Journal of Nanjing University, 2006(6): 48-54. (на кит.)
- [9] YANG Ying. Сравнительное исследование и оценка моделей регионального развития в Китае [D]. University of Science and Technology of China, 2013. (на кит.)
- [10] TAO Ran. Между людьми и землей: реформа городских и сельских земель в китайской модели роста [M]. Пекин: CITIC Press, 2017. (на кит.)
- [11] DU Zhiwei, LI Xun. Новые явления роста и сжатия в районах быстрой урбанизации дельты Жемчужной реки [J]. Urban Planning Forum, 2014(2): 25-31. (на кит.)

- [12] ZHANG Xianchun, YANG Yu, SHAN Zhuoran, et al. Механизмы масштабной реструктуризации в управлении городом-регионом: исследование процесса создания района Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао [J]. *Acta Geographica Sinica*, 2021, 76(9): 2140-2156. (на кит.)
- [13] KUANG Zhensheng, SUN Bindong. Переосмысление объяснения пространственной трансформации Китая с позиции рамки нового государственного пространства [J]. *Urban Planning International*, 2020, 35(4): 38-45. (на кит.)
- [14] YUAN Qifeng, ZHAN Wei, LU Junwen, et al. К гигантскому городскому региону: измерение функционального пространства и реконструкция регионального управления в Большом заливе [J]. *Urban Planning Forum*, 2023(4): 45-54. (на кит.)
- [15] LIU Yunya, HAN Wenchao, YAN Yongtao, et al. Капитал, власть и производство пространства: пути и перспективы развития района Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао [J]. *Modern Urban Research*, 2019(8): 2-10. (на кит.)
- [16] LAI Shouhua, YAN Yongtao, LIU Guannan, et al. Обзор, оценка и размышления о планировании регионов городских агломераций в Китае [J]. *Urban Planning Forum*, 2021(6): 53-61. (на кит.)
- [17] LEFEBVRE H. *State, Space, World: Selected Essays* [M]. University of Minnesota Press, 2009.
- [18] YAN Jing. Производство пространства и процесс глобализации государства: исследование идей Лефевра о государстве и пространстве [J]. *Human Geography*, 2015, 30(1): 1-7. (на кит.)
- [19] MA Xueguang, LI Luqi. Содержание и оценка теории нового государственного пространства [J]. *Human Geography*, 2017, 32(6): 1-8. (на кит.)
- [20] AGNEW J, CROBRIDGE S. *Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy* [M]. Routledge, 2002.
- [21] BRENNER N. *New State Spaces: Urban Governance and the Rescaling of Statehood* [M]. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- [22] FERGUSON J, GUPTA A. Spatializing states: Toward an ethnography of neoliberal governmentality [J]. *American Ethnologist*, 2002, 29(4): 981-1002.
- [23] AMIN A. Spatialities of globalisation [J]. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 2002, 34(3): 385-399.
- [24] LEFEBVRE H. *The Production of Space* [M]. Пекин: The Commercial Press, 2022. (на кит.)
- [25] GIDDENS A. *Capitalism and Modern Social Theory: An Analysis of the Writings of Marx, Durkheim and Max Weber* [M]. Шанхай: Shanghai Translation Publishing House, 2016. (на кит.)
- [26] SIU Helen F, BOL Peter K, LIU Ping, et al. Регион, структура и порядок: диалог истории и антропологии [J]. *Open Times*, 2019(3): 4-29. (на кит.)
- [27] LIU Zhiwei. Структурный процесс регионального общества и культуры: историко-антропологический диалог в дельте Жемчужной реки [J]. *Open Times*, 2019(3): 30-43. (на кит.)
- [28] VAN SCHENDEL W. *Geographies of Knowing, Geographies of Ignorance: Jumping Scale in Southeast Asia* [M]. Brill, 2005: 275-307.
- [29] WU Tao, YU Wei, XIE Shi. *Историческая география гор Наньлин* [M]. Гуанчжоу: Guangdong People's Publishing House, 2020. (на кит.)
- [30] LI Xun, FU Wenying, LIU Hongfeng. Пространственная реструктуризация промышленности в условиях экономической глобализации [J]. *Tropical Geography*, 2000, 20(4): 289-293. (на кит.)
- [31] XU Xueqiang, WANG Xin, YAN Xiaopei. Механизмы, каналы и модели потоков технологий: на примере дельты Жемчужной реки [J]. *Acta Geographica Sinica*, 1996, 51(3): 219-228. (на кит.)

- [32] SONG Linfei. Инновации и будущее «трех великих моделей» Китая [J]. *Nanjing Journal of Social Sciences*, 2008(12): 1-8. (на кит.)
- [33] OWEN-SMITH J, POWELL W W. Knowledge networks as channels and conduits: The effects of spillovers in the Boston biotechnology community [J]. *Organization Science*, 2004, 15(1): 5-21.
- [34] BATHELT H, MALMBERG A, MASKELL P. Clusters and knowledge: Local buzz, global pipelines and the process of knowledge creation [J]. *Progress in Human Geography*, 2004, 28(1): 31-56.
- [35] SHU Yuan. Модель развития Гуандуна: тридцать лет экономического развития Гуандуна [М]. Гуанчжоу: Guangdong People's Publishing House, 2008. (на кит.)
- [36] XU Xianxiang, CHEN Xiaofei. Специальные экономические зоны: отправная точка постепенной реформы и открытости Китая [J]. *Economic Research Journal*, 2008(9): 4-16. (на кит.)
- [37] LIN Yifu, CAI Fang, LI Zhou. Анализ региональных различий в переходной экономике Китая [J]. *Economic Research Journal*, 1998(6): 3-10. (на кит.)
- [38] LIU Yungang, YE Qinglu, XU Xiaoxia. Пространство, власть и территория: обзор и перспективы исследований политической географии [J]. *Human Geography*, 2015, 30(3): 1-8. (на кит.)
- [39] HUANG Xiaoxing, MA Ling. «Детерриториализация» и «ретерриториализация» в урбанизации: обсуждение управления деревнями в городе [J]. *Sociological Studies*, 2014(2): 1-24. (на кит.)
- [40] HARVEY D. *The Limits to Capital* [М]. CITIC Press, 2017. (на кит.)
- [41] YUAN Qifeng, LIANG Xiaowei, LU Fang. Ретерриториализация коммерческой городской деревни трудовыми мигрантами: случай Сипу в Гуанчжоу [J]. *Urban Planning Forum*, 2016(5): 79-86. (на кит.)
- [42] ZHAN Wei, YUAN Qifeng, LI Gang, et al. От «мировой фабрики» к «инновационному заливу»: эволюция структуры и механизмов инновационного пространства района Большого залива [J]. *Urban Planning Forum*, 2023(6): 70-79. (на кит.)
- [43] SHEN Ping, CHEN Danyang, ZHANG Jiaying, et al. Пространственно-временные характеристики эволюции распределения инновационных ресурсов в районе Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао [J]. *Tropical Geography*, 2022, 42(7): 1168-1180. (на кит.)
- [44] MA Xiangming, CHEN Yang, LI Zhifeng. История, характеристики и перспективы планирования городских агломераций в Гуандуне [J]. *Urban Planning Forum*, 2019(6): 20-28. (на кит.)
- [45] ZHOU Zhenchao. Построение упрощенной и эффективной системы низового управления: перспектива отношений между «линиями» и «блоками» [J]. *Chinese Public Administration*, 2019(6): 29-35. (на кит.)
- [46] ZHOU Li'an. Система административного субподряда [J]. *Chinese Journal of Sociology*, 2014, 34(6): 1-38. (на кит.)
- [47] ZHU Guanglei, YANG Zhixiong. Структурирование ответственности: эволюционная форма системы ответственности местных правительств [J]. *Political Science Research*, 2015(5): 50-61. (на кит.)
- [48] ZHOU Li'an. Стимулы и управление местными чиновниками в переходный период [М]. Шанхай: Truth & Wisdom Press, 2017. (на кит.)
- [49] ZHANG Jun. Децентрализация и рост: китайская история [J]. *China Economic Quarterly*, 2008(1): 21-52. (на кит.)
- [50] XIA Tian, SUN Jiuwen, LIN Wengui. Обзор экономики административной юрисдикции и экономического развития [J]. *Economic Geography*, 2012, 32(1): 1-6. (на кит.)

Трансформация «модели Жемчужной реки»: структурный процесс государственной пространциализации в районе Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао

[51] SHI Yuan, CHEN Zhen. Размышления о планировочном поведении местных правительств в модели экономики административных юрисдикций [J]. Urban Planning Forum, 2009(4): 27-34. (на кит.)

[52] LI Limei. Мир городских регионов: обзор международных исследований городских регионов и управления ими [J]. International Urban Planning, 2015, 30(1): 1-9. (на кит.)

Исправлено: ноябрь 2024 г.

(Статья переведена при содействии ИИ.)